

любовь, я вправе утолять сердечный голод надеждой на вашу доброту и снисхождение.

Слушая его, Кларинда чувствовала, как сражаются в ней любовь и стыд, и бедное ее сердце, жестоко страдая, не знало, чему покориться, а язык, ждавший исхода этой схватки, цепенел, тягота уста бесполезным бременем, – пока наконец яростно осаждаемые твердыни души не сдались на милость победительницы-любви, которая, употребив свою власть, пустила на волю речь, томившуюся в плену у стыда, и эта еще объятая трепетом речь, вырвавшаяся из девических уст, была такой:

– Но отчего, друг мой, вы не надеетесь на счастье, в коем видите венец ваших пылких желаний? Ужели вы не верите в мою любовь и сейчас, слыша мое невольное признание? Или мало для вас славы в том, что вы ведете меня в своем триумфальном шествии благодаря победе, которой обязаны Амуру, одолевшему оружием ваших чар мои непокорные чувства? Однако да будет вам известно заранее (поскольку вы, французы, сlyвете легкомысленными и ветреными, и, как говорят, любите тщеславиться и похваляться в ущерб женской чести, хотя она должна быть неотторжима от вашей собственной), что если теперь (вспомните о моих словах, прежде чем так поступить) вы покажете себя французом, то во мне найдете лукавую итальянку, которая мазнет вас по губам и оставит ни с чем. Потому-то, мой друг, прошу я вас блюсти верность и тайну, ибо это единственный венец, прославляющий истинную любовь и возносящий ее над завистью. А чтобы помнить о сказанном, носите в знак моей любви этот перстень. В него вделана аметистовая камешка, изображающая Купидона в прелестном венце: бог сомкнул ладони, а один палец прижал к устам. Внутри же перстня начертан девиз: верность и тайна.

Мне незачем уверять вас, что счастливый влюбленный принял этот прекрасный дар: можете не сомневаться, что он не отверг бы его и в том случае, если бы перстень был из раскаленного железа. Со всей учтивостью – и руками, и взором, и словами – он воздал благодарность своей очаровательной возлюбленной и хотел продолжить речь, как вдруг из городских ворот высыпала толпа знатных юношей, столь многочисленная, что, казалось, весь город спешит навстречу. Они приблизились к маркизе и, прерывая тайную беседу наших влюбленных, смешались в одно мгновение с обществом дам, которых и сопровождали до самого дворца государыни. По прибытии туда нашли они столы накрытыми для ужина. Но все изысканные кушанья, украшавшие это пышное и великолепное пиршество, не могли насытить душевный голод Кларинды и д'Алегра! И, видя, что возможность продолжать их пламенную беседу утрачена, они в течение всего вечера не вкушали ничего, кроме сладостных сердцу взоров, которые непрестанно скрещивались над столом, выходя из этих схваток и победителями, и побежденными.

О, любовь, непостижима твоя природа! Самое лакомое и вкусное яство для тебя – мука и тоска, и чем больше ты поглощаешь его, тем меньше насыщаешься. Увы! даже кровожадная пиявка отпадает в конце концов от места укуса, умерщвленная собственной пищей, – ты же, алчная, пожираешь неуничтожимое сердце твоих рабов большими кусками, но всегда голодна, словно орел, грызший печень несчастного осужденного.

И пример пылких влюбленных вполне это подтверждал: подобно тому как два кремня истираются от высечения таящегося в них огня, оба они изнемогали, воспламеняя друг друга жгучими взорами. И это пламя было столь неукротимо, что его ощущали не только они, но и (поскольку огонь выдает себя жаром и блеском, и утаить его невозможно) наиболее приметливые из гостей, в особенности клейменный той же печатью принц Адилон, который не знал, как унять свои ревнивые мысли, что, впрочем, не мешало ему глядеть в оба глаза. И ему не пришлось долго стоять настороже, всматриваясь в лицо Кларинды, чтобы понять: она уже сдалась его врагу, и тот, исподволь сделав подкоп, перебил ему дорогу и оттолкнул его от берега ее благосклонности, возле которого, казалось, встал он на якорь так прочно, что никакие ветры не должны его даже поколебать. Что было ему делать? То старался он привлечь внимание возлюбленной жалобным взглядом, укорившим ее в легкомысленном небрежении более старым искательством, то свирепо, как василиск, смотрел на соперника, силясь умертвить его любовь, но и здесь и там глаза его нисколько не преуспели, – разве лишь увидел он то, чего лучше бы ему не видеть, и ощутил столь живые угрызения сердечного червя, что не мог сохранить даже наружное спокойствие. Это не укрылось от Люцидана, который стал смеяться над его пустым подозрением, сказав:

– Хотя Амур не мог бы парить на своих крыльях, если бы их не поддерживали боязнь и ревность, нельзя все же этой боязни быть слепой, как он сам: иначе влюбленный будет страдать понапрасну и уподобится страусу, который щиплет себя, чтобы заставить себя же бежать. Мне ка-